Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

М.М. Тареев

Ф.М. Достоевский, как религиозный мыслитель

Опубликовано:
Христианское чтение. 1907. № 11. С. 575-598.

© Сканирование и создание электронного варианта: Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Ѳ. М. Достоевскій, какъ религіозный мыслитель.

Ѳ. М. Достоевскій—единственный у насъ и неподражаемый писатель-художникъ во многихъ отношеніяхъ и прежде всего въ томъ отношеніи, что только онъ взялъ на себя и блестяще выполнилъ задачу—нарисовать живой образъ святого человѣка.

Нѣтъ ничего легче, какъ написать житіе святого въ византійскомъ стилѣ: для этого дѣла существуютъ житійные трафареты, которые обычно и примѣняются мастерами писаній этого сорта. Задача этихъ писаній облегчается до послѣдней степени отвлеченно-аскетическимъ идеаломъ византійской святости. Христіанскій аскетъ, спасая свою душу, устремляетъ все свое вниманіе и все свое усиліе на то, чтобы уединиться отъ жизни, порвать всѣ нити, связывающія его съ живыми людьми, подавить въ себѣ всѣ интересы, всѣ страстныя движенія, сосредоточиться на одной мысли о Богѣ и будущей блаженной жизни. Житійный святой—заживо погребенный и путь его подвиговъ—путь постепеннаго умиранія. Установилось преданіе—писать христіанскихъ святыхъ акварелью, а не масляными красками. Въ ихъ житіяхъ все условно, символично, надъ всѣмъ доминируетъ одна идея, одна мысль, въ нихъ всякое касаніе плоти вытравляется небесною высотою духа.

Но совершенно иное дѣло и до чрезвычайности трудно—представить христіански-идеальнаго человѣка въ будничной обстановкѣ и въ житейскихъ столкновеніяхъ. Трудность здѣсь предстоитъ не только съ субъективной стороны, т. е. чтобы самъ писатель былъ способенъ подняться на высоту христіан-

и будутъ имѣть терпѣніе до посѣщенія Его, говоря: если мы не совершимъ покаянія, то впадемъ въ руки Господа, а не въ руки людей, ибо сообразно съ величіемъ Его, такъ и милосердіе Его пребываетъ съ Нимъ". Здѣсь переводчикъ, какъ видно, свободно передалъ текстъ, съ цѣлію сдѣлать его болѣе понятнымъ. Можно думать, что первая половина стиха въ Гр. есть вставка, заимствованная изъ словъ Давидовыхъ, подъ вліяніемъ сходныхъ съ ними дальнѣйшихъ словъ сына Сирахова о милости Божіей, и что подлинный видъ текста сохраненъ въ Сир. (какъ думаетъ и Риссель), гдѣ читается: „Ибо какъ величіе Его, таково и милосердіе Его, и какъ (велико) имя Его, таковы и дѣла Его". Здѣсь дается объясненіе того, почему благочестивые останутся навсегда покорны Господу (ст. 15—17): потому именно, что милосердіе Его и „дѣла Его" въ отношеніи къ вѣрующимъ, засвидѣтельствованныя исторіей (ср. ст. 10), столь же велики, какъ велико могущество Его и слава Его,—такъ какъ величіе имени всегда въ Библіи означаетъ славу (ср. Бт. 11, 4, Ис. 63, 12, 14, Іер. 32, 20 и мн. др.). Кромѣ того, въ сирской передачѣ сохраняется строгій параллелизмъ членовъ стиха, что также свидѣтельствуетъ о правильности въ данномъ мѣстѣ Сир. перевода.

О почитаніи родителей и наградѣ за это (Сир. 3, 1—16).

Глава 3, 1. Соблюдайте, дѣти, права отца
и поступайте такъ, чтобы вамъ спастись,
2. потому что Господь повелѣлъ дѣтямъ уважать отца
и утвердилъ права матери надъ сыновьями.
3. Почитающій отца очистится отъ грѣховъ,
4. и уважающій мать свою — какъ собирающій сокровища!
5. Почитающій отца будетъ имѣть радость отъ дѣтей своихъ
и въ день молитвы своей будетъ услышанъ.
6. Почитающій отца будетъ долгоденствовать,
и кто уважаетъ мать свою, тотъ служитъ Господу.
8. Сынъ мой, словомъ и дѣломъ чти отца твоего,
чтобы исполнились надъ тобою всѣ благословенія:

— Изъ-за границы что-ль?

— Да, изъ Швейцаріи.

— Фью! Экъ вѣдь васъ!..

Черноволосый присвиснулъ и захохоталъ.

Завязался разговоръ. Готовность бѣлокураго молодого человѣка въ швейцарскомъ плащѣ отвѣчать на всѣ вопросы своего черномазаго сосѣда была удивительная и безъ всякаго подозрѣнія совершенной небрежности, неумѣстности и праздности иныхъ вопросовъ. Отвѣчая, онъ объявилъ между прочимъ. что дѣйствительно долго не былъ въ Россіи, слишкомъ четыре года, что отправленъ былъ за границу по болѣзни, по какой-то странной нервной болѣзни, въ родѣ падучей или Виттовой пляски, какихъ-то дрожаній и судорогъ. Слушая его, черномазый нѣсколько разъ усмѣхался, особенно засмѣялся онъ, когда на вопросъ: «что же, вылѣчили?»—бѣлокурый отвѣчалъ, что «нѣтъ, не вылѣчили».

— Хе! Денегъ что, должно быть, даромъ переплатили, а мы-то имъ здѣсь вѣримъ, язвительно замѣтилъ черномазый»...

Послѣдовали разъясненія швейцарскаго паціента о безкорыстіи лѣчившаго его доктора. о томъ, что содержавшій его господинъ Павлищевъ два года назадъ померъ, что у него только дальняя родственница генеральша Епанчина, которая однако не отвѣтила ему на письмо.

— Такъ съ тѣмъ и пріѣхалъ.

— Куда же пріѣхали-то?

— То есть, гдѣ остановлюсь?.. Да не знаю еще, право... такъ...

— Не рѣшились еще?

Снова раздался хохотъ.

— И небось въ этомъ узелкѣ вся ваша суть заключается? спросилъ черномазый.

Оказалось, что и это было такъ: бѣлокурый молодой человѣкъ тотчасъ же и съ необыкновенною поспѣшностью въ этомъ признался.

Когда его собесѣдники—Рогожинъ и ввязавшійся въ разговоръ чиновникъ—выразили сомнѣніе въ дѣйствительности его родства съ генеральшей Епанчиной, онъ отвѣчалъ:

— О, вы угадали опять,—вѣдь дѣйствительно почти ошибаюсь, то есть почти что не родственница; до того даже, что я, право, нисколько и не удивился тогда, что мнѣ туда не отвѣтили. Я такъ и ждалъ...

На вопросъ объ имени, Левъ Николаевичъ Мышкинъ «съ полною и немедленною готовностью» назвалъ себя. Чиновникъ въ раздумьи замѣтилъ, что «князей Мышкиныхъ ужъ что-то нигдѣ не встрѣчается».

— О, еще бы!—тотчасъ же отвѣтилъ князь:—князей Мышкиныхъ теперь и совсѣмъ нѣтъ, кромѣ меня; мнѣ кажется, я послѣдній. А что касается до отцовъ и дѣдовъ, то они у насъ и однодворцами были. Отецъ мой былъ, впрочемъ, арміи подпоручикъ, изъ юнкеровъ...

Таковъ первый выходъ князя Мышкина. Совершенно чуждый побужденіямъ болтливости и навязчивости, онъ столь же вполнѣ не знаетъ замкнутости и лукавства. Безъ малѣйшей тѣни гордости, онъ, на обращенные къ нему вопросы, открываетъ всю свою душу, всѣ слабыя стороны своего состоянія и положенія. Онъ оказываетъ себя рѣшительно такимъ, каковъ онъ на самомъ дѣлѣ, говоритъ то, что думаетъ и чувствуетъ. Онъ нисколько не рисуется, онъ не обнаруживаетъ ни малѣйшей заботы расположить къ себѣ собесѣдниковъ, импонировать имъ, его слова и его внѣшность не прикрываютъ его души и его состоянія, онъ говоритъ непосредственно, отъ сердца къ сердцу. Онъ видитъ въ себѣ лишь то, что можно видѣть въ немъ со стороны, смотритъ на себя объективно, безъ малѣйшаго пристрастія, и это-то именно притягиваетъ къ нему, привязываетъ. Всякій видитъ, что князя нечего опасаться, что онъ самъ себя нисколько не бережетъ. И это величайшее христіанское смиреніе не стоитъ ему никакого усилія. У него все это выходитъ само собою, непреднамѣренно, безъ потугъ, безъ насилія надъ собою.

И съ этими чертами христіанскаго характера князь Мышкинъ остается все время предъ читателемъ, съ ними входитъ во всевозможные житейскіе конфликты и легко выходитъ изъ положеній самыхъ затруднительныхъ, самыхъ запутанныхъ. Вотъ два примѣра наиболѣе яркихъ.

...«У Гани въ глазахъ помутилось, и онъ, совсѣмъ забывшись, изо всей силы замахнулся на сестру. Ударъ пришелся бы ей непремѣнно въ лицо. Но вдругъ другая рука остановила налету Ганину руку.

Между нимъ и сестрой стоялъ князь.

— Полноте, довольно! проговорилъ онъ настойчиво, но тоже весь дрожа, какъ отъ чрезвычайно сильнаго потрясенія.

— Да вѣчно; что ли, ты мнѣ дорогу переступать будешь! заревѣлъ Ганя, бросивъ руку Вари, и освободившеюся рукой, въ послѣдней степени бѣшенства, со всего размаху далъ князю пощечину.

— Ахъ, всплеснулъ руками Коля:—ахъ, Боже мой!

Раздались восклицанія со всѣхъ сторонъ. Князь поблѣднѣлъ. Страннымъ и укоряющимъ взглядомъ поглядѣлъ онъ Ганѣ прямо въ глаза; губы его дрожали и силились что-то проговорить; какая-то странная и совершенно неподходящая улыбка кривила ихъ.

— Ну, это пусть мнѣ... а ея... всетаки не дамъ!.. тихо проговорилъ онъ, наконецъ, но вдругъ не выдержалъ, бросилъ Ганю, закрылъ руками лицо, отошелъ въ уголъ, сталъ лицомъ къ стѣнѣ и прерывающимся голосомъ проговорилъ:

— О, какъ вы будете стыдиться своего поступка!

Ганя, дѣйствительно, стоялъ какъ уничтоженный. Коля бросился обнимать и цѣловать князя; за нимъ затѣснились Рогожинъ, Варя, Птицынъ, Нина Александровна, всѣ, даже старикъ Ардаліонъ Александровичъ.

— Ничего, ничего! бормоталъ князь на всѣ стороны, съ тою же неподходящею улыбкою.

— И будешь каяться! закричалъ Рогожинъ:—будешь стыдиться, Ганька, что такую... овцу (онъ не могъ пріискать другого слова) оскорбилъ! Князь, душа ты моя, брось ихъ; плюнь имъ, поѣдемъ! Узнаешь, какъ любитъ Рогожинъ!

Настасья Филипповна была тоже очень поражена и поступкомъ Гани, и отвѣтомъ князя»...

Князю не только не было стыдно смотрѣть въ глаза всѣмъ видѣвшимъ его позоръ, но его всѣ полюбили послѣ этого послѣднею любовью, благоговѣйною любовью: христіанское смиреніе являлось въ ореолѣ обаятельнаго геройства.

Позоръ пощечины—это крайній пробный камень христіанскаго характера. И князь Мышкинъ выдержалъ это испытаніе безъ малѣйшей фальшивой нотки, безъ малѣйшей рисовки и неискренности.

Князь Мышкинъ выходилъ и изъ иныхъ испытаній, можетъ быть не столь рѣзкихъ, но болѣе запутанныхъ, требовавшихъ болѣе тонкихъ проявленій смиренія, болѣе глубокихъ основъ христіанскаго характера.

Ожидалась свадьба князя съ Настасьей Филипповной, которая имѣла дурную репутацію. Громадная толпа жадной до

скандаловъ публики ожидала зрѣлища. И скандалъ разыгрался болѣе крупный, чѣмъ ждали,—невѣста сбѣжала, когда князь уже былъ въ церкви.... «Князь вышелъ изъ церкви, повидимому, спокойный и бодрый; такъ, по крайней мѣрѣ, многіе замѣтили и потомъ разсказывали. Казалось, ему очень хотѣлось добраться до дому и остаться поскорѣй одному; но этого ему не дали. Вслѣдъ за нимъ вошли въ комнату нѣкоторые изъ приглашенныхъ... Кромѣ того, весь домъ былъ буквально осажденъ праздною публикой. Еще съ террасы услыхалъ князь, какъ Келлеръ и Лебедевъ вступили въ жестокій споръ съ нѣкоторыми, совершенно неизвѣстными, хотя на видъ и чиновными людьми, во что-бы то ни стало желавшими войти на террасу. Князь подошелъ къ спорившимъ, освѣдомился въ чемъ дѣло, и вѣжливо отстранивъ Лебедева и Келлера, деликатно обратился къ одному уже сѣдому и плотному господину, стоявшему на ступенькахъ крыльца во главѣ нѣсколькихъ другихъ желающихъ, и пригласилъ его сдѣлать честь удостоить его своимъ посѣщеніемъ. Господинъ законфузился, но однако-жь пошелъ; за нимъ другой, третій. Изъ всей толпы выискалось человѣкъ семь—восемь посѣтителей, которые и вошли, стараясь сдѣлать это какъ можно развязнѣе; но болѣе охотниковъ не оказалось, и вскорѣ, въ толпѣ же, стали осуждать выскочекъ. Вошедшихъ усадили, начался разговоръ, стали подавать чай,—все это чрезвычайно прилично, скромно, къ нѣкоторому удивленію вошедшихъ. Было, конечно, нѣсколько попытокъ подвеселить разговоръ и навести на «надлежащую» тему; произнесено было нѣсколько нескромныхъ вопросовъ, сдѣлано нѣсколько «лихихъ» замѣчаній. Князь отвѣчалъ всѣмъ такъ просто и радушно, и въ тоже время съ такимъ достоинствомъ, съ такою довѣрчивостью къ порядочности своихъ гостей, что нескромные вопросы затихли сами собой. Мало по малу разговоръ началъ становиться почти серьезнымъ... Прошелъ почти часъ, чай отпили, и послѣ чаю гостямъ стало, наконецъ, совѣстно еще дольше сидѣть. Докторъ и сѣдой господинъ съ жаромъ простились съ княземъ; да и всѣ прощались съ жаромъ и съ шумомъ. Произносились пожеланія и мнѣнія, въ родѣ того, что «горевать нечего и что, можетъ быть, оно все этакъ и къ лучшему», и прочее. Были, правда, попытки спросить шампанскаго, но старшіе изъ гостей остановили младшихъ. Когда всѣ разошлись, Келлеръ нагнулся къ Лебедеву и сообщилъ ему: «мы бы съ тобой затѣяли крикъ, подрались, осрамились, притянули бы

полицію; а онъ, вотъ, друзей себѣ пріобрѣлъ новыхъ!» Лебедевъ вздохнулъ и произнесъ: «Утаилъ отъ премудрыхъ и разумныхъ и открылъ младенцамъ»...

Въ лицѣ князя мы видимъ, что смиреніе есть величайшая сила, подъ часъ ничѣмъ не замѣнимая.

Вмѣстѣ съ непритязательностью, князь обладалъ свойствомъ крайней нестяжательности и довѣрчивости. Въ Россію онъ пріѣхалъ, имѣя въ карманѣ лишь нѣсколько мелкихъ монетъ. Генералъ Епанчинъ даетъ ему двадцать пять рублей,—эти деньги онъ раздаетъ (Иволгину и Терентьевой) въ самомъ скоромъ времени... Судьба посылаетъ ему вскорѣ значительное наслѣдство, но онъ распоряжался имъ «глупо», по отзыву генерала Епанчина: «явились, напримѣръ, кредиторы покойнаго купца, по документамъ спорнымъ, ничтожнымъ, а иные, пронюхавъ о князѣ, такъ и вовсе безъ документовъ, и что же? Князь почти всѣхъ удовлетворилъ, несмотря не представленія друзей о томъ, что всѣ эти людишки и кредиторишки совершенно безъ правъ, и потому только удовлетворилъ, что дѣйствительно оказалось, что нѣкоторые изъ нихъ въ самомъ дѣлѣ пострадали». На этой же почвѣ князь столкнулся съ мошеннической шайкой, сгруппировавшейся около Бурдовскаго. Ему удалось не только съ чрезвычайною легкостью раскрыть это мошенничество, но и сдѣлать своими друзьями членовъ этой группы, къ которой иные примкнули по невѣдѣнію.

— «Я вамъ должна сказать,—говорила Аглая Настасьѣ Филипповнѣ,—что я ни одного человѣка не встрѣчала въ жизни подобнаго ему по благородному простодушію и безграничной довѣрчивости. Всякій, кто захочетъ, тотъ и можетъ его обмануть и кто бы ни обманулъ его, онъ потомъ всякому проститъ»...

Съ христіанскимъ смиреніемъ въ князѣ Мышкинѣ соединялась крѣпкая любовь ко всему слабому и страдающему, къ дѣтямъ, больнымъ, униженнымъ, несчастнымъ. Это еще открылось въ немъ во время его пребыванія въ швейцарской деревнѣ въ отношеніи къ дѣтямъ той деревни и къ одной несчастной дѣвушкѣ Мари.

«Дѣти надо мной—разсказывалъ позднѣе князь—смѣялись, а потомъ даже камнями стали въ меня кидать, когда подглядѣли, что я поцѣловалъ Мари».

Мари—жалкая, слабая, худенькая дѣвушка, дочь бѣдной матери, была соблазнена и брошена проѣзжимъ французскимъ

комми. Ее покрылъ страшный позоръ: всѣ смотрѣли на нее какъ на гадину; старики осуждали и бранили, молодые смѣялись, женщины бранили ее, осуждали, смотрѣли съ такимъ презрѣніемъ, какъ на паука какого, дѣти ходили за ней толпой, дразнили ее и кидали въ нее грязью. Послѣ смерти матери и проповѣди священника, который назвалъ ее виновницей этой смерти, положеніе больной, голодной, оборванной дѣвушки стало совершенно невыносимое.

«Мнѣ захотѣлось что нибудь сдѣлать Мари; ей очень надо было денегъ дать, но денегъ тамъ у меня никогда не было ни копѣйки. У меня была маленькая брилліантовая булавка, и я ее продалъ одному перекупщику... Я долго старался встрѣтить Мари одну; наконецъ, мы встрѣтились за деревней, у изгороди, на боковой тропинкѣ въ гору, за деревомъ. Тутъ я ей далъ восемь франковъ (все, полученное за булавку) и сказалъ ей, чтобъ она берегла, потому что у меня больше ужь не будетъ, а потомъ поцѣловалъ ее и сказалъ, чтобъ она не думала, что у меня какое нибудь нехорошее намѣреніе, и что цѣлую я ее не потому, что влюбленъ въ нее, а потому, что мнѣ ее очень жаль и что я съ самаго начала ее нисколько за виноватую не почиталъ, а только за несчастную. Мнѣ очень хотѣлось тутъ же и утѣшить, и увѣрить ее, что она не должна себя такою низкою считать предъ всѣми, но она, кажется, не поняла. Я это сейчасъ замѣтилъ, хотя она все время почти молчала и стояла предо мной, потупивъ глаза и ужасно стыдясь. Когда я кончилъ, она мнѣ руку поцѣловала, и я тотчасъ же взялъ ея руку и хотѣлъ поцѣловать, но она поскорѣй отдернула. Вдругъ въ это время насъ подглядѣли дѣти, цѣлая толпа; я потомъ узналъ, что они давно за мной подсматривали. Они начали свистать, хлопать въ ладошки и смѣяться, а Мари бросилась бѣжать. Я хотѣлъ было говорить, но они въ меня стали камнями кидать. Въ тотъ же день всѣ узнали, вся деревня; все обрушилось опять на Мари: ее еще пуще стали не любить. Я слыхалъ даже, что ее хотѣли присудить къ наказанію, но, слава Богу, прошло такъ; за то ужь дѣти ей проходу не стали давать, дразнили пуще прежняго, грязью кидались; гонятъ ее, она бѣжитъ отъ нихъ съ своею слабою грудью, задохнется, они за ней, кричатъ, бранятся. Одинъ разъ я даже бросился съ ними драться. Потомъ я сталъ имъ говорить, говорилъ каждый день, какъ только могъ. Они иногда останавливались и слушали, хотя все еще бранились. Я имъ

разсказалъ, какая Мари несчастная, — скоро они перестали браниться и стали отходить молча. Мало по малу мы стали разговаривать, я отъ нихъ ничего не таилъ; я имъ все разсказалъ. Они очень любопытно слушали и скоро стали жалѣть Мари... Скоро всѣ стали любить ее, а вмѣстѣ съ тѣмъ и меня вдругъ стали любить». Послѣдніе дни несчастной дѣвушки— она вскорѣ умерла—были скрашены этою любовью. Когда же она умерла, «тутъ дѣтей и удержать нельзя было: они убрали ей весь гробъ цвѣтами и надѣли ей вѣнокъ на голову».

Съ такою же любовью ко всему страдающему князь Мышкинъ живетъ и въ свое пребываніе въ Россіи, которое описываетъ авторъ. Онъ самъ себѣ совершенно не принадлежитъ, чувство долга и вниманіе къ чужимъ дѣламъ совершенно владѣютъ имъ. Онъ идетъ туда, гдѣ въ немъ нуждаются, гдѣ считаетъ полезнымъ свое присутствіе; дѣла другихъ и ихъ горести онъ признаетъ своими дѣлами и горестями. И онъ жертвуетъ собою,—жертвуетъ не только своимъ имуществомъ, своимъ спокойствіемъ, забываетъ о необходимомъ отдыхѣ, о снѣ и ѣдѣ, онъ жертвуетъ даже такими своими интересами, которыми обычно даже не считается возможнымъ жертвовать. Еще швейцарскія дѣти поняли его любовь къ Мари какъ любовь къ невѣстѣ. «Я не разувѣрялъ ихъ, что я вовсе не люблю Мари, то есть не влюбленъ въ нее, что мнѣ ее только очень жаль было; я по всему видѣлъ, что имъ такъ больше хотѣлось, какъ они сами вообразили и положили промежь себя, и потому молчалъ и показывалъ видъ, что они угадали»... Что вообразили дѣти объ его отношеніяхъ къ Мари, то было дѣйствительностью позднѣе въ его отношеніяхъ къ Настасьѣ Филипповнѣ. Эта, тоже несчастная дѣвушка, хотя и не жалкая по внѣшности, пожелала брака своего съ княземъ и онъ, имѣя уже невѣстой Аглаю, которую любилъ, согласился на это. «Не любовью любилъ онъ Настасью Филипповну, а жалостью». И это составило драму въ жизни князя, которой онъ не вынесъ...

Былъ ли князь Мышкинъ смѣшонъ? Повидимому онъ ставится въ самыя смѣшныя, самыя невозможныя положенія; но въ сущности онъ никогда не бываетъ смѣшонъ. Надъ нимъ много смѣются и издѣваются, но смѣются только тѣ, которые «были недостойны понять» его душу. Этотъ смѣхъ всегда падалъ на голову смѣющихся, какъ смѣхъ надъ святыней, всегда клеймилъ низкихъ людей, неспособныхъ подняться до высокаго

и прекраснаго. И сами эти смѣявшіеся и негодовавшіе—почти всѣ—стряхивали съ себя эту смѣшливость, этотъ гнѣвъ, и прилѣплялись къ князю. И въ концѣ концовъ всѣ его необычайно любили, въ немъ нуждались; хорошія души радовались съ нимъ, плохія становились въ его присутствіи лучше; онъ носилъ съ собою особую атмосферу, которая всѣхъ невольно захватывала, во всѣхъ вызывала лучшія стороны, всѣхъ дѣлала дѣтьми, простыми, искренними.

Ганя, сначала возненавидѣвшій князя, потомъ сталъ съ нимъ откровеннымъ и признался ему:

— Вы первый изъ благородныхъ людей мнѣ попались...

Негодяй Келлеръ, главный участникъ въ мошенническомъ дѣлѣ Бурдовскаго, «пришелъ разсказать князю всю свою жизнь». Онъ открывался ему во всей своей низости, «съ необыкновенною готовностью признавался въ такихъ дѣлахъ, что возможности не было представить себѣ, какъ это можно про такія дѣла разсказывать».

— Вамъ,—говорилъ онъ князю,—единственно вамъ одному, и единственно для того, чтобы помочь своему развитію! Больше никому; умру и подъ саваномъ унесу мою тайну!..

— Ну, вотъ вамъ,—говорилъ князю Лебедевъ, — одному только вамъ объявлю истину, потому что вы проницаете человѣка... Другому не сказалъ бы—засмѣется, или плюнетъ; но вы, князь, вы разсудите по-человѣчески.

Епанчины—мать и дочери — любили князя восторженно. Особенно Аглая.

— Съ вами, говорила она князю,—я хочу все, все говорить, даже про самое главное, когда захочу... Я хочу хоть съ однимъ человѣкомъ обо всемъ говорить какъ съ собой...

Иногда князь не приносилъ никакой пользы, но «есть люди, которыхъ почему-то пріятно видѣть подлѣ себя въ иную тяжелую минуту».

И при всемъ томъ князь не былъ дитя по уму. О немъ нельзя сказать, что онъ не умѣлъ отличить правой руки отъ лѣвой, добра отъ зла, онъ не стоялъ въ полосѣ буддійскаго безразличія. Въ своей простотѣ, онъ почти всегда оказывается ясновидящимъ; онъ хорошо понимаетъ мотивы людей; способный почти все прощать, онъ стыдится за низкую ложь другихъ, иногда негодуетъ.

По намѣренію автора, въ князѣ нѣтъ ничего смѣшного. Въ немъ лишь есть нѣчто, по чему онъ необходимо долженъ

страдать,—его одинокость среди людей, его иночество. Онъ—не отъ міра сего. И это-то выражается въ его символическомъ идіотизмѣ. И далѣе—одинъ въ полѣ не воинъ: князь-идіотъ безсиленъ въ борьбѣ съ обстоятельствами, съ людскими страстями, съ мірскимъ зломъ,—и онъ гибнетъ, впадая въ свой прежній идіотизмъ.

Болѣзненный идіотизмъ князя—единственное, что оставляетъ недоконченною великую задачу: авторъ выполнилъ ее блестяще, но все же не довелъ до конца. Идіотизмъ князя образуетъ изначальную его природную неполноту, ненормальность, тогда какъ вполнѣ живой святой человѣкъ долженъ быть природно-нормальнымъ.

Такой природно-нормальный святой—Алеша Карамазовъ. Я не буду о немъ говорить, потому что говорилъ о немъ въ другомъ мѣстѣ (Типы религіозно-нравственной жизни)... Но замѣчу, что и въ лицѣ Алеши Карамазова картина живой святости не доведена до конца, такъ какъ Алеша оставленъ авторомъ лишь на порогѣ жизни.

Кромѣ указанной разности, Алеша Карамазовъ — точная копія князя Мышкина.

Кромѣ этихъ двухъ типовъ, у Достоевскаго выводятся и другіе святые. Старецъ Зосима и Макаръ Ивановичъ—святые съ наклономъ къ аскетизму и созерцательности.

Герои Достоевскаго чаще всего—добрые люди.

— Мы всѣ до комизма предобрые люди,—говоритъ одинъ изъ нихъ.

«Подростокъ» хочетъ могущества и богатства единственно для того, чтобы отдать всѣ свои милліоны людямъ.

Раскольниковъ убиваетъ старуху-процентщицу, чтобы получить возможность дѣлать добро.

— Я хотѣлъ только первый шагъ сдѣлать—поставить себя въ независимое положеніе, достичь средствъ, и тамъ все бы загладилось неизмѣримою, сравнительно, пользою. Я хотѣлъ добра людямъ...

Почти всѣ герои Достоевскаго, какъ бы они ни стояли низко въ этическомъ отношеніи, какъ бы ни глубоко падали, имѣютъ въ сердцѣ своемъ и искры добра, или христіанскаго самоотреченія, или гуманитарнаго героизма, или жажды правды и высшей гармоніи.

Подобно тому, какъ древніе христіанскіе апологеты подмѣчали въ исторіи языческаго міра сѣмена Логоса и называли

языческихъ мудрецовъ христіанами до Христа, и Достоевскій въ средѣ преступниковъ, общественныхъ отбросовъ, за стѣнами Мертваго дома, въ которомъ самъ провелъ нѣсколько лѣтъ, подслушиваетъ біеніе добраго сердца и сильной воли. «И сколько въ этихъ стѣнахъ погребено напрасно молодости, сколько великихъ силъ погибло здѣсь даромъ! Вѣдь надо ужь все сказать: вѣдь этотъ народъ необыкновенный былъ народъ. Вѣдь это, можетъ быть, и есть самый даровитый, самый сильный народъ изъ всего народа нашего».

Рядомъ съ образами христіанской святости, любви и смиренія, съ образами князя Мышкина и Алеши Карамазова, Достоевскій даетъ изображеніе самаго глубокаго паденія, до котораго можетъ дойти человѣкъ, послѣднихъ безднъ отрицанія, всей силы страстей и безудержности преступленій.

Толстой съ наибольшею любовью останавливается на бытовыхъ картинахъ, на обычныхъ явленіяхъ семейной и общественной жизни, съ наибольшимъ вниманіемъ описываетъ нормальное развитіе этихъ явленій, ихъ общечеловѣческую, историческую сторону. Такія картины въ художествѣ Достоевскаго почти отсутствуютъ, онъ беретъ моменты и случаи, онъ описываетъ то, что лишь можетъ случиться, что иногда бываетъ при необычномъ стеченіи условій и обстоятельствъ, что даже въ иныхъ отношеніяхъ представляется невѣроятнымъ. Эти комбинаціи случаевъ и обстоятельствъ, эти необычныя стеченія и совпаденія нужны ему не сами по себѣ, а какъ канва, на которой раскрывается внутренній міръ человѣка, какъ рамки, въ которыя вставляются человѣческіе характеры. И снова — внутренній міръ человѣка его интересуетъ не съ своей общепсихической стороны, не въ нормальномъ развитіи обычныхъ характеровъ, а въ высшихъ пунктахъ, до которыхъ иногда достигаетъ это развитіе, въ религіозно-философскихъ просвѣтахъ, въ крайнихъ откровеніяхъ послѣдней правды, въ тѣхъ переживаніяхъ, которыя чѣмъ рѣже, тѣмъ любопытнѣе. Крайнее развитіе страстей, переступающихъ обычныя грани и облекающихся въ руслѣ высшаго детерминизма въ изощренныя логическія формы, и крайнее развитіе смѣлыхъ и новыхъ идей, воплощенныхъ въ живыя и сильныя чувства—возлюбленная сфера его генія. Съ напряженнымъ вниманіемъ онъ всматривается въ ту точку, гдѣ ложь становится правдой и правда ложью, гдѣ отрицаніе пріобрѣтаетъ положительную силу и утвержденіе доходитъ до разслабляющихъ высотъ, гдѣ вѣра

впадаетъ въ невѣріе и невѣріе становится вѣрой, гдѣ любовь перерождается въ ненависть и изъ ненависти вырастаетъ любовь. Выступленіе души изъ обычныхъ граней, преступленіе обычныхъ законовъ, индивидуальное раскрытіе душевной мощи, причудливая комбинація душевныхъ силъ, крайнее напряженіе страстей, изгибы индивидуальнаго опыта въ ту и другую сторону и, слѣдовательно, въ сторону паденія — вотъ къ чему Достоевскій приковываетъ взоры своихъ читателей. Пробыть недѣлю среди его героевъ—это все равно, что провести ее въ психіатрическомъ отдѣленіи, или въ исповѣдальнѣ. Всѣ эти Раскольниковы, Мышкины, Рогожины, Карамазовы дѣйствуютъ въ условіяхъ уже начинающейся болѣзни, какой-нибудь горячки, нервнаго разстройства,—въ болѣзненныхъ условіяхъ, которыя цѣнны тѣмъ, что они сбрасываютъ съ человѣка обычныя путы общежитія, принятое сдерживаніе, что въ нихъ душа открывается въ своей стихійно-безсознательной природѣ.

— Послушайте,—говорила Лиза Алешѣ Карамазову,—теперь вашего брата судятъ за то, что онъ отца убилъ, и всѣ любятъ, что онъ отца убилъ.

— Любятъ, что отца убилъ?

— Любятъ, всѣ любятъ! Всѣ говорятъ, что это ужасно, но про себя ужасно любятъ. Я первая люблю.

— Въ вашихъ словахъ про всѣхъ есть нѣсколько правды, проговорилъ тихо Алеша.

И во всѣхъ герояхъ Достоевскаго, въ идіотизмѣ Мышкина, въ карамазовщинѣ, въ логикѣ Раскольникова—во всѣхъ есть нѣсколько правды, во всѣхъ открывается человѣческая природа, обычно прикрытая тысячелѣтнимъ покровомъ культурнаго уравненія, общежительнаго сглаживанія. Деревянныхъ фигуръ, мертвыхъ душъ въ родѣ жениха Лужина, образъ которыхъ ничего не затрогиваетъ въ душѣ читателя, у Достоевскаго почти нѣтъ. Самое крайнее униженіе, въ которое впадаетъ человѣкъ, самая послѣдняя степень нравственнаго паденія, до котораго онъ доходитъ — въ изображеніи Достоевскаго не стираетъ съ него человѣческаго лика, не порываетъ его родства съ душою читателя. Именно то обстоятельство, что его герои на самомъ днѣ своего нравственнаго паденія сохраняютъ черты человѣческаго сердца, искры добра,—это обстоятельство оттѣняетъ человѣческій характеръ ихъ нравственной гибели, дѣлаетъ эту гибель понятною читателямъ, вызываетъ къ нимъ

напряженное сочувствіе,—но вмѣстѣ съ тѣмъ выдвигаетъ ее съ самой тяжелой стороны.

Читатель Достоевскаго яснѣе всего видитъ, до чего можетъ человѣкъ падать, какая низость можетъ вмѣщаться въ его сердцѣ, до какой бездны отрицанія и невѣрія онъ можетъ доходить.

Мармеладовъ, нося въ своемъ сердцѣ «болѣзненную любовь къ женѣ и семьѣ», пропиваетъ послѣднія крохи семейнаго обихода, отнимаетъ у нихъ послѣдній кусокъ хлѣба. И что кусокъ хлѣба: его дочь Соня пожертвовала для семьи своимъ тѣломъ, приняла на себя страданіе разврата,—и пьяный отецъ беретъ у нея деньги на пьянство.

— Сегодня у Сони былъ, на похмѣлье ходилъ просить!.. Вотъ этотъ самый полуштофъ-съ на ея деньги и купленъ, произнесъ Мармеладовъ, обращаясь къ Раскольникову.—Тридцать копѣекъ вынесла, своими руками, послѣднія, все что было, самъ видѣлъ...

Свидригайловъ, при несомнѣнной нестяжательности и благородствѣ, при способности къ высшему взгляду на жизнь и къ чувству міровой скорби, «ни къ кому никогда не имѣвшій большой ненависти и даже мстить никогда особенно не желавшій», поражаетъ послѣдними глубинами цинизма и разврата.

— Это самый развращенный и погибшій въ порокахъ человѣкъ, изъ всѣхъ подобнаго рода людей! говорилъ о Свидригайловѣ Лужинъ.—Я имѣю значительное основаніе предполагать, что Марѳа Петровна, имѣвшая несчастіе столь полюбить его и выкупить изъ долговъ, восемь лѣтъ назадъ, послужила ему еще и въ другомъ отношеніи: единственно ея стараніями и жертвами затушено было, въ самомъ началѣ, уголовное дѣло, съ примѣсью звѣрскаго и, такъ сказать, фантастическаго душегубства, за которое онъ весьма и весьма могъ бы прогуляться въ Сибирь... Здѣсь жила да и теперь, кажется, проживаетъ нѣкоторая Ресслихъ, иностранка и, сверхъ того, мелкая процентщица, занимающаяся и другими дѣлами. Съ этою-то Ресслихъ господинъ Свидригайловъ находился издавна въ нѣкоторыхъ весьма близкихъ и таинственныхъ отношеніяхъ. У ней жила дальняя родственница, племянница, кажется, глухонѣмая, дѣвочка лѣтъ пятнадцати и даже четырнадцати, которую эта Ресслихъ безпредѣльно ненавидѣла и каждымъ кускомъ попрекала; даже безчеловѣчно била. Разъ она найдена была на чердакѣ удавившеюся. Присуждено, что отъ само-

убійства. Послѣ обыкновенныхъ процедуръ тѣмъ дѣло и кончилось, но впослѣдствіи явился, однако, доносъ, что ребенокъ былъ... жестоко оскорбленъ Свидригайловымъ...

Когда Свидригайловъ разсказывалъ Раскольникову о своей любви къ дѣтямъ и привелъ нѣсколько случаевъ изъ своихъ отношеній къ дѣвочкамъ, тотъ не могъ не почувствовать отвращенія и сердечнаго содроганія.

— Оставьте, оставьте ваши подлые, низкіе анекдоты, развратный, низкій, сладострастный человѣкъ!

Николай Ставрогинъ, человѣкъ громадной силы воли, перенесшій пощечину съ величіемъ князя Мышкина, имѣвшій мужество пренебрегать мнѣніемъ общества и бросившій ему вызовъ своимъ бракомъ съ юродивой Лебядкиной, таилъ въ себѣ и «необыкновенную способность къ преступленію».

— Правда ли, что вы,—злобно говорилъ ему Шатовъ,—правда ли, что вы принадлежали въ Петербургѣ къ скотскому сладострастному секретному обществу? Правда ли, что маркизъ де Садъ могъ бы у васъ поучиться? Правда ли, что вы заманивали и развращали дѣтей?..

Карамазовщина, давшая намъ прекрасный, безподобный въ литературѣ, образъ «ранняго человѣколюбца» Алеши, показала вмѣстѣ съ тѣмъ и глубину нравственнаго паденія и бездну религіознаго отрицанія.

Отецъ этой семьи—Ѳедоръ Павловичъ Карамазовъ—«развратный сладострастникъ и подлѣйшій комедіантъ». Такъ его опредѣляетъ собственный сынъ его Дмитрій Ѳедоровичъ.

Ѳедоръ Павловичъ открылъ всю свою душу въ бесѣдѣ съ своимъ младшимъ сыномъ.

— Я, милѣйшій Алексѣй Ѳедоровичъ, какъ можно дольше на свѣтѣ намѣренъ прожить, было бы вамъ это извѣстно, а потому мнѣ каждая копѣйка нужна, и чѣмъ дольше буду жить, тѣмъ она будетъ нужнѣе. Теперь я пока все-таки мужчина, пятьдесятъ пять всего, но я хочу и еще лѣтъ двадцать на линіи мужчины состоять, такъ вѣдь состарѣюсь—поганъ стану, не пойдутъ онѣ ко мнѣ тогда доброю волей, ну, вотъ тутъ-то денежки мнѣ и понадобятся. Такъ вотъ я теперь и подкапливаю все побольше, да побольше, для одного себя-съ, милый сынъ мой Алексѣй Ѳедоровичъ, было бы вамъ извѣстно, потому что я въ скверномъ моей до конца хочу прожить, было бы вамъ это извѣстно. Въ скверномъ-то слаще: всѣ ее ругаютъ, а всѣ въ ней живутъ, только всѣ тайкомъ, а я открыто. Вотъ за простодушіе-то это

мое на меня всѣ сквернавцы и накинулись. А въ рай твой, Алексѣй Ѳедоровичъ, я не хочу, это было бы тебѣ извѣстно, да порядочному человѣку оно даже въ рай-то твой и неприлично, если даже тамъ и есть онъ. По моему, заснулъ и не проснулся, и нѣтъ ничего, поминайте меня, коли хотите, а не хотите, такъ и чортъ васъ дери. Вотъ моя философія.

Изъ этой философіи вытекали и соотвѣтствующія правила жизни.

— Для меня,—говорилъ онъ своимъ дѣткамъ,—для меня... Эхъ, вы ребята! Дѣточки, поросяточки вы маленькіе, для меня... даже во всю мою жизнь не было безобразной женщины, вотъ мое правило!...

Смердякова, родившагося отъ уродливой нищенки Лизаветы Смердящей, молва называла сыномъ Ѳедора Павловича.

Эта карамазовщина таится и дѣйствуетъ и во всѣхъ дѣткахъ Ѳедора Павловича. Всѣ они, при всемъ различіи своихъ характеровъ, способны къ высокимъ порывамъ и обладаютъ истинно добрымъ сердцемъ,—не только Алеша, святой человѣкъ, но и Дмитрій, весь сказавшійся въ своемъ надорванномъ сновидѣніи о плачущихъ деревенскихъ дѣтяхъ, голодныхъ, иззябшихъ, почернѣвшихъ отъ черной бѣды, и Иванъ, который возится съ мужиченкомъ... И всѣ они, при своихъ высокихъ порывахъ, всѣ они—дѣти своего отца, Карамазовы,—не только распущенный кутила Дмитрій, прожженный страстью, трепещущій при одной мысли объ инфернальномъ изгибѣ, «который отозвался даже въ пальчикѣ-мизинчикѣ на лѣвой ножкѣ» любимой женщины, не только Иванъ, который, по словамъ Смердякова, «изо всѣхъ дѣтей наиболѣе на Ѳедора Павловича похожъ вышелъ, съ одною съ нимъ душою», но и Алеша.

— Я,—признался онъ Лизѣ,—я ужъ до многаго, до многаго прикоснулся... Ахъ, вѣдь и я Карамазовъ!.

Иванъ Карамазовъ дальше своихъ братьевъ пошелъ въ области сомнѣнія религіознаго и этическаго. Въ отношеніи къ Богу онъ провозгласилъ бунтъ,—и этотъ бунтъ на столько твердо обоснованъ, что освободиться отъ его кошмара читателю стоитъ громаднаго напряженія и мысли и воли. Въ области этической онъ выставилъ принципъ «все позволено», рѣшительно перевернувшій нравственное сознаніе людей нашего поколѣнія.

Въ лицѣ «Подростка» авторъ, по его собственнымъ сло-

вамъ (въ «Дневникѣ писателя»), «взялъ душу безгрѣшную, но уже загаженную страшною возможностью разврата».

Князь Сергѣй Сокольскій также «страстно уважаетъ благородство, но только въ идеалѣ. Онъ всю жизнь безпрерывно клянетъ себя и раскаивается, но никогда не исправляется. Ищетъ большаго подвига, но пакоститъ по мелочамъ». Высота идеаловъ и низость жизни—таковъ князь Сокольскій.

Спустимся отъ главныхъ персонажей къ второстепеннымъ, отъ второстепенныхъ къ третьестепеннымъ—и во всѣхъ найдемъ то же сочетаніе высокихъ порывовъ и низкихъ поступковъ.

Келлеръ въ умиленіи признается князю Мышкину:

— Благороденъ, благороденъ, рыцарски благороденъ! Но знаете, князь, все только въ мечтахъ и, такъ сказать, въ куражѣ, на дѣлѣ же никогда не выходитъ...

То же твердитъ князю и Лебедевъ.

— Ну, вотъ вамъ, одному только вамъ объявлю истину, потому что вы проницаете человѣка: и слова, и дѣло, и ложь, и правда—все у меня вмѣстѣ и совершенно искренно...

Итакъ, высоки выведенные у Достоевскаго типы христіанской святости и безмѣрно низки его герои въ своемъ нравственномъ паденіи, въ своемъ духовномъ растлѣніи. Но между тѣми и другими нѣтъ непроходимой пропасти: его святые—живые люди, а его грѣшники сохраняютъ искры добра въ самомъ послѣднемъ смрадѣ своего нравственнаго растлѣнія.

Прежде, чѣмъ поставлена проблема высшаго синтеза, послѣдней гармоніи, для ея разрѣшенія уже даны основы въ самомъ пониманіи духовной высоты и плотской низости.

Однако не трудно видѣть, что эти основы имѣютъ характеръ исключительно психологическій, но никакъ не принципіальный. Мы видимъ въ душѣ человѣческой наслоенія разныхъ переживаній, подобно какъ въ общественной жизни мы одновременно наблюдаемъ слои, оставшіеся отъ разныхъ историческихъ эпохъ и налегающіе одинъ на другой. Получается причудливое смѣшеніе, въ общемъ ослабляющее каждую сторону человѣческой жизни, стирающее разнообразныя краски порывовъ въ одной сѣрой безцвѣтности, но въ частности приводящее ко многимъ трагическимъ конфликтамъ. Эволюціонная наука говоритъ о дисгармоніяхъ не только въ соціальномъ

и семейномъ инстинктахъ человѣка, но и въ устройствѣ и функціяхъ его тѣлесныхъ органовъ. Приспособленіе организма, какъ душевнаго, такъ и тѣлеснаго, къ измѣняющимся условіямъ требуетъ значительнаго времени, отсюда временныя дисгармоніи являются неизбѣжными. Эти дисгармоніи составляютъ фактъ нашей жизни, который самъ по себѣ не даетъ еще никакихъ принципіальныхъ выводовъ. Изъ того, что есть въ наличности, нѣтъ прямого перехода къ тому, что должно быть: для этого требуются посредствующія звенья. Дисгармонію нужно осмыслить, а для этого нужно возвести ее къ какому-нибудь высшему принципу, стоящему внѣ той и другой стороны,— только въ этомъ случаѣ она становится фактомъ высшаго порядка, объединяется въ высшемъ синтезѣ. Разумѣется, эволюціонная теорія такого примиренія знать не хочетъ и съ презрѣніемъ отбрасываетъ всякія высшія идеи. Ея послѣднее упованіе—нефункціонирующіе рудиментарные органы, и она одинаково смотритъ на дисгармоніи, какъ физіологическія, такъ и соціальныя. Эволюція погаситъ инстинкты, противорѣчащіе новымъ соціальнымъ условіямъ. Съ теченіемъ времени человѣкъ будетъ естественно добродѣтельнымъ, вполнѣ соціальнымъ,—служеніе обществу не будетъ доставлять ему ничего, кромѣ удовольствія, и сведется къ мотивамъ исключительно эгоистическимъ. Добродѣтель будетъ разумнымъ эгоизмомъ. Конечно, отпадутъ и всѣ чрезмѣрно небесные порывы, порожденные въ дни юности человѣческаго рода; добро совпадетъ съ общественною пользою. Но зато скроются и дикіе кровожадные инстинкты, и все выровняется въ житейскомъ благоразуміи.

Но религіозный взглядъ на жизнь не можетъ довольствоваться этими эволюціонными чаяніями. Во-первыхъ, религія хочетъ каждому моменту исторической жизни придать неслучайное значеніе, каждую эпоху записать въ небесной книгѣ вѣчности. Душа человѣческая не то же, что физіологическая функція, и муки душевной дисгармоніи не могутъ быть достаточно искуплены грядущимъ уравненіемъ. Высшій синтезъ требуется для каждаго времени. Во-вторыхъ, нѣкоторые виды дисгармоніи составляются изъ такихъ половинъ, изъ которыхъ ни одною не хочется пожертвовать. Легко рѣшить вопросъ о слѣпой кишкѣ, но трудно сказать, что намъ дороже, клокотаніе ли земныхъ страстей или тишина небеснаго покоя, мученіе ли страданій и борьбы или блаженство нирваны. Во всякомъ случаѣ идеалъ «человѣческихъ выгодъ, высчитанныхъ

среднимъ числомъ изъ статистическихъ цифръ и изъ научно-экономическихъ формулъ», нужно признать неудовлетворяющимъ человѣка, потому что въ этомъ «реестрѣ» не включена «самая выгодная выгода, которая человѣку дороже всего»— выгода личнаго почина, индивидуальныхъ ощущеній, своей воли. Счастье не «въ самомъ счастіи», а въ личныхъ и своеобразныхъ усиліяхъ къ его достиженію. Краски жизни, клокотаніе страстей, своеволіе «можетъ быть выгоднѣе всѣхъ выгодъ даже и въ такомъ случаѣ, если приноситъ намъ явный вредъ и противорѣчитъ самымъ здравымъ заключеніямъ нашего разсудка о выгодахъ,—потому что во всякомъ случаѣ сохраняетъ намъ самое главное и самое дорогое, то-есть нашу личность и нашу индивидуальность». Еще вопросъ, пожелаетъ ли человѣкъ—въ своихъ высшихъ созерцаніяхъ и послѣднихъ мечтахъ—разстаться съ своими страстями-страданіями, съ дисгармоніей свѣта и тьмы, пожелаетъ ли онъ всеобщаго уравненія и окончательной «осанны»: вѣдь эта «осанна» означала бы конецъ жизни, конецъ всего, что придаетъ картинѣ сочность.

— Что же бы вышло послѣ моей-то «осанны»? Тотчасъ бы все угасло на свѣтѣ и не стало бы случаться никакихъ происшествій... Я вѣдь знаю, тутъ есть секретъ, но секретъ мнѣ ни за что не хотятъ открыть... Но пока не открытъ секретъ, для меня существуетъ двѣ правды: одна тамошняя, ихняя, мнѣ пока совсѣмъ не извѣстная, а другая моя. И еще неизвѣстно, которая будетъ почище»...

Пока мы живемъ, наша религія—въ примиреніи обѣихъ половинъ дисгармоніи, въ синтезѣ обоихъ полюсовъ жизни. Психологически-случайная совмѣстимость двухъ полюсовъ дѣлаетъ возможнымъ высшій синтезъ, но только возможнымъ, составляетъ его условіе и только условіе. Существенно же синтезомъ предполагается принципъ, лежащій внѣ дисгармонирующихъ сторонъ, выше ихъ, надъ ними.

Такой принципъ Достоевскій указываетъ въ самой жизни. Онъ исповѣдуетъ его устами Ивана Карамазова.

— Не вѣруй я въ жизнь, разувѣрься я въ дорогой женщинѣ, разувѣрься въ порядкѣ вещей, убѣдись даже, что все, напротивъ, безпорядочный, проклятый и, можетъ быть, бѣсовскій хаосъ, порази меня хоть всѣ ужасы человѣческаго разочарованія,—а я все-таки захочу жить и ужъ какъ припалъ къ этому кубку, то не оторвусь отъ него, пока его весь не

осилю!.. Все побѣдитъ моя молодость—всякое разочарованіе, всякое отвращеніе къ жизни. Я спрашивалъ себя много разъ: есть ли въ мірѣ такое отчаяніе, чтобы побѣдило во мнѣ эту изступленную и неприличную, можетъ быть, жажду жизни, и рѣшилъ, что кажется, нѣтъ такого... Эту жажду жизни иные чахоточные сопляки-моралисты называютъ часто подлою, особенно поэты. Черта-то она отчасти Карамазовская, это правда, жажда-то эта жизни, несмотря ни на что, но почему-жъ она подлая? Центростремительной силы еще страшно много на нашей планетѣ. Жить хочется, и я живу, хотя бы и вопреки логикѣ. Пусть я не вѣрю въ порядокъ вещей, но дороги мнѣ клейкіе, распускающіеся весной листочки, дорого голубое небо, дорогъ иной человѣкъ, котораго иной разъ не знаешь, за что любишь, дорогъ иной подвигъ человѣческій, въ который давно уже, можетъ быть, пересталъ и вѣрить, а все-таки по старой памяти чтишь его сердцемъ... Клейкіе весенніе листочки, голубое небо люблю я, вотъ что! Тутъ не умъ, не логика, тутъ нутромъ, тутъ чревомъ любишь, первыя свои молодыя силы любишь... Понимаешь ты что-нибудь въ моей ахинеѣ, Алешка, аль нѣтъ? засмѣялся вдругъ Иванъ.

— Слишкомъ понимаю, Иванъ: нутромъ и чревомъ хочется любить,—прекрасно ты это сказалъ, и радъ я ужасно за то, что тебѣ такъ жить хочется, воскликнулъ Алеша.—Я думаю, что всѣ должны прежде всего на свѣтѣ жизнь полюбить.

— Жизнь полюбить больше, чѣмъ смыслъ ея?

— Непремѣнно такъ, полюбить прежде логики, какъ ты говоришь, непремѣнно чтобы прежде логики, и тогда только я и смыслъ пойму. Вотъ что мнѣ давно уже мерещится. Половина твоего дѣла сдѣлана, Иванъ, и пріобрѣтена: ты жить любишь...

Достоевскимъ сказано много новыхъ словъ. Но, можетъ быть, самое драгоцѣнное его новое слово есть это слово о жизни, о любви къ жизни больше, чѣмъ къ смыслу ея. Жизнь важнѣе всякихъ мыслей о жизни,—чувство жизни важнѣе всякихъ чувствъ, осложняющихъ жизнь. Пусть жизнь красивая, жизнь осмысленная выше просто жизни, но жизнь, самая жизнь, существеннѣе всякихъ опредѣленій и всякихъ направленій жизни. Сама жизнь есть тайна, и сознаніе жизни, ея ощущеніе, есть первый базисъ религіи: жизнь въ самомъ существѣ своемъ мистична и религіозна. Первая молитва чело-

вѣка—есть благоговѣніе къ жизни, торжественное прислушиваніе къ ней. Жизнь, какъ таковая, есть неизбѣжный и непосредственный путь къ Богу. Кто живетъ, тотъ уже тѣмъ самымъ познаетъ Бога и служитъ Ему. Напротивъ, безжизненная святость, высота измышленныхъ идеаловъ, головныхъ идей есть фикція, fata morgana, сновидѣніе. То правда, что жизнь зарождается въ кровяхъ и тинѣ, и развивается она въ плотскихъ страстяхъ,—и все это претитъ брезгливому духу: кажется, что по мѣрѣ сокращенія жизни съ нея стряхивается эта тина, охлаждается этотъ жаръ, и она становится чище. Но это пустое мечтаніе: въ живой крови душа человѣка, и чрезъ живую кровь онъ восходитъ къ Богу.

— Страшно много человѣку на землѣ терпѣть,—говорилъ Дмитрій Алешѣ,—страшно много ему бѣдъ! Я, братъ, почти только объ этомъ и думаю, объ этомъ униженномъ человѣкѣ, потому что я самъ такой человѣкъ.

Чтобъ изъ низости душою
Могъ подняться человѣкъ,
Съ древней матерью землею
Онъ вступи въ союзъ на вѣкъ.

Я иду и не знаю: въ вонь ли я попалъ и позоръ или въ свѣтъ и радость. Вотъ вѣдь гдѣ бѣда, ибо все на свѣтѣ загадка! И когда мнѣ случалось погружаться въ самый, въ самый глубокій позоръ разврата (а мнѣ только это и случалось), то я всегда это стихотвореніе читалъ. Исправляло оно меня? Никогда! Потому что я Карамазовъ. Потому что если ужъ полечу въ бездну, то такъ-таки прямо, головой внизъ и вверхъ пятами, и даже доволенъ, что именно въ унизительномъ такомъ положеніи падаю и считаю это для себя красотой. И вотъ въ самомъ-то этомъ позорѣ я вдругъ начинаю гимнъ. Пусть я проклятъ, пусть я низокъ и подлъ, но пусть и я цѣлую край той ризы, въ которую облекается Богъ мой; пусть я иду въ то же самое время вслѣдъ за чортомъ, но я всетаки и Твой сынъ, Господи, и люблю Тебя, и ощущаю радость, безъ которой міру нельзя стоять и быть...

Находясь позднѣе въ тюрьмѣ, по подозрѣнію въ отцеубійствѣ, и въ ожиданіи каторги, Дмитрій Карамазовъ спасаетъ себя тою же любовью къ жизни.

— Мы будемъ въ цѣпяхъ, и не будетъ воли, но тогда, въ великомъ горѣ нашемъ, мы вновь воскреснемъ въ радость,

безъ которой человѣку жить невозможно, а Богу быть, ибо Богъ даетъ радость, это Его привиллегія, великая... Тогда мы, подземные человѣки, запоемъ изъ нѣдръ земли трагическій гимнъ Богу, у котораго радость! Да здравствуетъ Богъ и Его радость! Люблю Его!.. Нѣтъ, жизнь полна, жизнь есть и подъ землею!.. Да и что такое страданіе? Не боюсь его, хотя бы оно было безчисленно... И, кажется, столько во мнѣ этой силы теперь, что я все поборю, всѣ страданія, только чтобы сказать и говорить себѣ поминутно: я есмь! Въ тысячи мукъ—я есмь, въ пыткѣ корчусь—но есмь!..

Жажда жизни и ея радость спасаетъ Дмитрія Карамазова и въ позорѣ разврата и въ мукѣ страданій. И Алеша Карамазовъ въ самую тяжелую минуту своей жизни спасается «союзомъ съ землей»,—«онъ цѣловалъ ее плача, рыдая и обливая своими слезами, и изступленно клялся любить ее, любить во вѣки вѣковъ».. Таковъ былъ и завѣтъ его святого старца—«облить землю слезами радости».

И юродивая Лебядкина, жена Ставрогина, лепечетъ о томъ, что «Богъ и природа есть все одно», что «Богородица—великая мать сыра земля есть», что нужно въ молитвѣ цѣловать землю.

Сама жизнь, какъ принципъ мысли и чувства, примиряетъ дисгармонирующія стороны, противоположные полюсы,—сама жизнь составляетъ всеприміряющее религіозное содержаніе. Добро и зло, блаженство и страданіе, нравственная высота и позоръ паденія имѣютъ нѣчто общее, стоящее надъ ними и примиряющее ихъ: это расцвѣтъ жизни, радость бытія. Выше отвлеченнаго добра, головныхъ идеаловъ, живое добро, живой человѣкъ, но и во злѣ, въ смрадѣ разврата тоже живетъ человѣкъ и поетъ гимнъ Богу. Зло бываетъ абсолютно отвратительнымъ, когда оно становится отвлеченнымъ принципомъ, сокращаетъ человѣческую жизнь, когда «не человѣкъ съѣдаетъ идею, а идея съѣдаетъ человѣка»; но при этомъ условіи и добро «пахнетъ мертвечинкой». Добро цѣнно, потому что оно дѣлаетъ человѣка живымъ, но и позоръ паденія, муки страданія не абсолютно отвратительны, если они покрываютъ живого человѣка, если они пронизываются ощущеніемъ жизни, радостью бытія. И это соединеніе полюсовъ въ сферѣ жизни до такой степени реально и дѣйственно, что и святой человѣкъ, если онъ—живой, до многаго «прикасается», многое «понимаетъ»,—и жажда жизни уже носитъ въ себѣ залогъ добра.

— Ты, говорилъ Версиловъ подростку,—ты такъ хочешь жить и такъ жаждешь жить, что дай, кажется, тебѣ три жизни, тебѣ и тѣхъ будетъ мало; ну, а такіе большею частью добряки.

Кто любитъ жизнь, тотъ не можетъ не быть добрымъ въ послѣдней скверне паденія, на самомъ днѣ разврата. Но, само собою понятно, не эти искры добра, сохраняющагося на днѣ паденія, даютъ высшее рѣшеніе всепримиряющей гармоніи, ибо это значило бы, что выше всего добро и что раздѣленіе полюсовъ неустранимо. Нѣтъ, не добро, обильное на одномъ полюсѣ и скудное на другомъ, даетъ послѣднее примиреніе, а религія—жизнь, какъ религіозный принципъ. Радость жизни, обращающая сердце къ Богу, можетъ быть у грѣшника столь жъ сильною, какъ и у праведника; вѣра блуднаго сына сильнѣе согрѣвала его сердце, чѣмъ холодное законническое самодовольство старшаго сына, душа его горѣла пламенною любовью къ всепрощающему Отцу, нисколько не ослабленною отъ его развратной жизни, а скорѣе усиленною этимъ сознаніемъ своей низости. Не добрыя дѣла спасаютъ человѣка, искупаютъ его грѣхи, а религіозная вѣра.

— И всѣхъ разсудитъ и проститъ, и добрыхъ и злыхъ, и премудрыхъ и смирныхъ... И когда уже кончитъ надъ всѣми, тогда возглаголетъ и намъ: «Выходите, скажетъ, и вы! Выходите пьяненькіе, выходите слабенькіе, выходите соромники!» И мы выйдемъ всѣ, не стыдясь, и станемъ. И скажетъ: «Свиньи вы! Образа звѣринаго и печати его; но пріидите и вы!» И возглаголятъ премудрые, возглаголятъ разумные: «Господи! Почто сихъ пріемлеши?» И скажетъ: «Потому ихъ пріемлю, премудрые, потому пріемлю, разумные, что ни единый изъ сихъ самъ не считалъ себя достойнымъ сего»... И простретъ къ намъ руци свои, и мы припадемъ... и заплачемъ... и все поймемъ! Тогда все поймемъ!.. и всѣ поймутъ...

Такъ судилъ пьянымъ языкомъ своимъ Мармеладовъ. И святой старецъ Зосима поучалъ:

— Братья, не бойтесь грѣха людей, любите человѣка и во грѣхѣ его, ибо сіе ужъ подобіе божеской любви и есть верхъ любви на землѣ. Любите все созданіе Божіе, и цѣлое, и каждую песчинку. Каждый листикъ, каждый лучъ Божій любите. Любите животныхъ, любите растенія, любите всякую

вещь. Будешь любить всякую вещь и тайну Божію постигнешь въ вещахъ...

Божеская любовь къ людямъ, къ праведникамъ и грѣшникамъ, есть та же любовь, что и любовь къ каждой вещи,— любовь, переступающая за грани различій добра и зла *).

М. Тарѣевъ.

---

*) Окончаніе слѣдуетъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии

www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки